

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 002.2

DOI 10/33186/1027-3689-2019-9-102-109

Ю. Н. Столяров

Российская государственная библиотека,

Научный и издательский центр «Наука» РАН

Природа библиофильства.

Размышления, навеянные книгой А. Ю. Самарина и Л. И. Фурсенко «Библиофилы–библиографы конца XIX – начала XX века»

В анализируемой книге устанавливается причина возникновения и поддержки феномена библиофильства, или библиофилии. Проводится идея: эффект книгособирательства относится к сфере иррационального, однако благодаря именно этому его характерному свойству библиотеки обогащаются ценнейшим культурным достоянием разных времён. Основное содержание публикации состоит в оценке сведений о вкладе в книжную культуру известных библиофилов XIX – начала XX в. П. К. Симони тщательно обследовал «Изборник Святослава» (1076 г.), «Слово о полку Игореве», памятники древнерусского фольклора. В историю книжной культуры возвращены существенные штрихи из биографии Д. В. Ульянинского, что позволило воссоздать объективное описание его жизни. Введено много сведений о жизни и деятельности Н. Н. Орлова во время тюремного заключения и ссылки, а также в постреабилитационный период. Ценность этих сведений повышается в связи с тем, что Н. Н. Орлов известен не только как библиофил, автор десятков публикаций в профессиональной печати, но и как директор библиотеки Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана). В целом рассматриваемая книга оценивается как удачная и по форме, и по содержанию.

Ключевые слова: библиофильство, история книжной культуры, П. К. Симони, Д. В. Ульянинский, Н. Н. Орлов.

REVIEWS

UDC 002.2

DOI 10/33186/1027-3689-2019-9-102-109

Yury Stolyarov

*Russian State Library, Scientific and Publishing Center “Nauka”
of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Nature of bibliophiles. Reflections inspired by the book of Alexander Yu. Samarin and Leonid I. Fursenko “Bibliophiles-bibliographers of the late XIX – early XX century”

In the analyzed book, the cause of the emergence and support of the phenomenon of bibliophilia is installed. The idea is that the effect of book selection belongs to the sphere of irrational, but thanks to its characteristic property libraries are enriched with the most valuable cultural heritage of different times. The main content of the publication is to assess the information about the contribution to the book culture of famous bibliophiles XIX-early XX century-not only indicated in the subtitle of the book. Pavel K. Simoni carefully examined the *Izbornik Svyatoslav (1076)*, a Word about Igor's regiment, monuments of old Russian folklore. In the history of book culture returned significant strokes from the biography of Dmitry V. Ulyaninsky, which allowed to recreate an objective description of his life. A lot of information about the life and work of Nikolai N. Orlov during prison and exile, as well as in the post-rehabilitation period. The value of this information is increased by the fact that Nikolai N. Orlov is known not only as a bibliophile, the author of dozens of publications in the professional press, but also as the Director of the Moscow higher technical school. Nikolai E. Bauman (now MSTU im. Nikolai E. Bauman). In General, the publication is evaluated as a good and in form and content.

Keywords: bibliophilism, history of book culture, Pavel K. Simoni, Dmitry V. Ulyaninsky, Nikolai N. Orlov.

This is brief review of the monograph "Bibliophiles-bibliographers of the late XIX – early XX centuries (P. K. Simoni, D. V. Ulyaninsky, N. N. Orlov)" (Moscow: MIK, 2019. – 154 p.) by A. Samarin and L. Fursenko. Authors focused on the activities of three bibliophiles of the most interesting period of our history. The first one, Pavel Simoni (1859–1939), a Russian and Soviet philologist-paleographer, source, bibliographer, bibliologist, teacher, corresponding member of the USSR Academy of Sciences. P. Simoni thoroughly examined the “Collection of Svyatoslav” (1076), “A Word about Igor's Regiment” (according to a copy of the XVIII century, from the personal office of Catherine II. The second section of the book deals with the well-known bibliophile and bibliographer D. Ulyaninsky. In the essay “The Re-

touched Characteristic: The Handwritten Original of N. Yu. Ulyaninsky's Article on D. V. Ulyaninsky". A. Samarin and L. Fursenko presented complete description of his life. The section III deals with the director of one of our glorious libraries, the Moscow N. E. Bauman higher technical school and a member of various bibliological, library and bibliographic public organizations, the author of hundreds of special works on our industry. The personality of N. Orlov interested me especially in connection with the fact that he was partly connected with the classic of bibliopsychology N. A. Rubakin. The reader gets acquainted with the autobiography of N. Orlov. His self-perception of the "old Moscow rogue bibliographer" is set out in a letter to O. V. Starichkovskaya. The letter is a bitter story about the next injustices and humiliations that N. Orlov had to endure after his rehabilitation, an explanation of why he was forced to interrupt his previous professional activities. In his past life, he was most proud of the remarkable ten thousandth collection of books on bibliography, library science, and book business that he had collected. Each section of the monograph is accompanied by a carefully verified, reviewed de-visa list of works of the relevant personnel and literature about it, which bibliographers will appreciate better than others (it is now much easier to find the necessary information).

С рациональной, обыденной точки зрения всё, что связано с коллекционированием вообще и библиофильством в частности, крайне далеко от понятия разумности. В самом деле, вдуматься только: сначала человек тратит всё своё свободное время, а зачастую прихватывает и время, отпущенное на самое необходимое – сон, приготовление пищи и т.д., на поиск и приобретение чего-то совершенно не обязательного. Он тратит на это и все свободные деньги (и даже те, что выделены на самое нужное). Нередко он подчиняет своей прихоти жизнь своих самых близких людей, семьи, игнорируя их интересы и предпочтения, загромаждая жилище.

А что происходит потом, на склоне жизни, когда библиофил понимает, что больше у него нет сил и времени на любимое занятие? В лучшем случае он приводит свою коллекцию в порядок и передаёт (реже – продаёт) её достойной библиотеке. Гораздо чаще, однако, складывается ситуация, когда родственники коллекционера ради высвобождения помещения стремятся во что бы то ни стало избавиться от книг. Если не удаётся быстро сбыть коллекцию в любые руки, её рассеивают, избавляясь от неё по частям, а порой она, увы, находит последний приют на ближайшей помойке.

Интеллектуалы, квалифицированные специалисты, которые уважают труд коллекционера, вникают в мотивы, движущие его страстью, тоже тратят личное время и средства на то, чтобы досконально изучить все нюансы,

связанные с пополнением его собрания артефактов, публикацией сведений как о нём, так и о его коллекции.

Такие ценители творчества библиофила, желая воздать ему должное, зачастую пишут статьи; выпускают книги о библиофилах, не рассчитывая получить денежное вознаграждение (прошли времена, когда за каторжный интеллектуальный труд выплачивали гонорары, пусть и небольшие). Очевидно, что читать их будут очень немногие, в том числе из своего профессионального цеха, кто осознаёт непреходящую историко-культурную ценность коллекции и того, кто любовно собирал и скрупулёзно шлифовал её.

В монографии *«Библиофилы-библиографы конца XIX – начала XX века (П. К. Симони, Д. В. Ульянинский, Н. Н. Орлов)»* (М. : МИК, 2019. – 154 с.; цв. вкл.) её авторы – *А. Ю. Самарин и Л. И. Фурсенко* – сосредоточили внимание на деятельности трёх библиофилов интереснейшего периода нашей истории.

Первый, о ком они пишут, – *Павел Константинович Симони* (1859–1939), русский и советский филолог-палеограф, источниковед, библиограф, книговед, педагог, член-корреспондент Академии наук СССР. В книге представлена его подробная автобиография, в которой он изложил причины зарождения интереса к изучению древнейших рукописей и автографов его современников, а также переплётов старинных книг, что позволило сделать ряд важных уточнений и даже открытий в области палеографии. П. К. Симони тщательно обследовал «Изборник Святослава» (1076), «Слово о полку Игореве» (по копии XVIII в. из кабинетных бумаг Екатерины II), памятники древнерусского фольклора.

Лично мне очень хотелось узнать, кому я обязан аутентичным материалом при исследовании истоков книжной культуры. Порадовало и упоминание факта сотрудничества с Н. П. Тихоновым (1882–1942) – специалистом в области фототехники и реставрации документов, высокоуважаемым и даже высокочтимым в библиотечном фондоведении. Вместе со своей женой Марией Петровной, сотрудницей Государственной публичной библиотеки (ГПБ) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. П. Тихонов умер в блокадном Ленинграде.

Библиотекарям, библиотековедам личность П. К. Симони дорога тем, что он вёл курсы в Институте внешкольного образования, Институте книговедения и – дольше всего – на Высших курсах библиотековедения ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. А. Ю. Самарин исследовал теоретическую значимость работ этого деятеля в статье «П. К. Симони об объекте и методах исследования книги» (с. 58–65). Ценность этого раздела монографии повышается благодаря публикуемым воспоминаниям П. К. Симони о библиофилах П. А. Ефремове (1830–1907) и Д. В. Ульянинском (1861–1918) (с. 66–79).

П. А. Ефремов, в свою очередь, поведал о библиофильских пристрастиях академика А. Н. Пыпина (1833–1904), историка литературы и общественной мысли, а также академика Н. С. Тихонравова (1832–1893).

Во втором разделе книги речь идёт об известном библиофиле и библиографе Д. В. Ульянинском. В очерке «Отретушированная характеристика: рукописный оригинал статьи Н. Ю. Ульянинского о Д. В. Ульянинском» А. Ю. Самарин и Л. И. Фурсенко возвратили в историю книжной культуры существенные штрихи из биографии известного библиофила, создав объективное описание его жизни.

Считая себя причастным главным образом к библиотековедению и истории библиотек, я с особым вниманием прочитал раздел III монографии «*Николай Николаевич Орлов (1898–1965)*», потому что речь в нём идёт о директоре одной из наших славных библиотек – Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана (ныне – МГТУ им. Н. Э. Баумана) и члене различных книговедческих, библиотечно-библиографических общественных организаций, авторе доброй сотни специальных трудов по нашей отрасли.

Личность Н. Н. Орлова заинтересовала меня особо и в связи с тем, что он был отчасти связан с классиком библиопсихологии Н. А. Рубакиным, причём один эпизод просто поразительный. Близкий Н. А. Рубакину по духу книговед и библиограф Н. М. Сомов (1867–1951) в 1936 г. сообщил ему о том, что получил письмо от сосланного по ложному обвинению в Петропавловск библиотечного деятеля и библиографа Н. Н. Орлова. Он, рискуя быть наказанным, передаёт Н. А. Рубакину поздравление с юбилеем (на это не отважились даже находящиеся на воле) и рассказывает, что на свои предельно скудные средства приобрёл на базаре за 20 копеек не кусок хлеба или что-либо подобное, а первый том собрания сочинений Анатоля Франса. В этом томе внимание Орлова привлёк фрагмент, о котором он не преминул сообщить за тысячи вёрст от места ссылки в Швейцарию:

«Что такое книга? Ряд маленьких знаков. Больше ничего. И дело самого читателя извлекать те формы, цвета и ощущения, которые соответствуют этим знакам. (На полях напротив этих строк Н. А. Рубакин поставил красным жирную вертикальную черту и написал: «Б<иблио>п<сихология>». – Ю. С.) От него зависит, будет ли книга мрачной или блестящей, жгучей или ледяной. Я скажу, если вам это больше нравится, что всякое слово книги – таинственный палец, касающийся фибров нашего мозга, как струн арфы, и извлекающий таким образом ноты нашей звонкой души. Тщетно рука художника будет вдохновенной и знающей. Звук, который она вырвет, зависит от качества наших внутренних струн». Приведя эту цитату, Н. Н. Орлов

пишет: «Вот в немногих словах и в художественной форме сущность библио-психологии Н. А. Рубакина». Это место тоже отчёркнуто на полях рукой Н. А. Рубакина. (ОР РГБ. Ф. 358. К. 276. Ед. хр. 53. Л. 13–14.)

В этом маленьком эпизоде, как в капле воды, отражена истинная суть интеллигента: униженный и оболганный, лишённый всего, кроме внутренне-го человеческого достоинства, сосланный неведь куда, он и в тех нечелове-ческих условиях остаётся верен Книге. Практически всеми забытый и от-вергнутый, он и в этой ужасающей ситуации помнит о юбилее библиотечно-го гуру и даже находит материал, который может порадовать юбиляра. Мало того, Н. Н. Орлов изыскивает способы, чтобы кружным путём передать Н. А. Рубакину из казахстанской глуши слова приветствия и добрые поже-лания. Да и самого себя он характеризует этим поступком как стойкого, не сломленного духом Человека, всё так же любящего Книгу, тратящего на её приобретение последние гроши.

В третьем разделе книги читатель знакомится со сдержанно написан-ной автобиографией Н. Н. Орлова. Его самоощущение «старого московского библиографа-изгоя» изложены в письме к О. В. Старичковской, через кото-рую он узнавал о наиболее значимых профессиональных событиях в Москве.

Письмо – это горький рассказ об очередных несправедливостях и уни-жениях, которые пришлось пережить Н. Н. Орлову после его реабилитации, объяснение того, почему он был вынужден прервать прежние профессио-нальные занятия. В прошлой жизни он больше всего гордится собранным им замечательным десятитысячным собранием книг по библиографии, библио-тековедению, книжному делу.

Каждый раздел монографии сопровождается тщательно выверенным, просмотренным де-визу списком произведений соответствующей персона-лии и литературы о ней, что лучше других оценят библиографы (теперь го-раздо легче разыскать нужную информацию).

Большого труда стоило авторам собрать краткие биографические све-дения о каждой упоминаемой в тексте персоналии, что даёт более полное представление о действующих лицах и существенно обогащает содержание книги. Поскольку главный герой каждого раздела раскрывает и связи с дру-гими библиофилами, и разные стороны их характера, в итоге читатель полу-чает представление обо всех наиболее известных деятелях книжной культу-ры всего XIX в. (и отчасти XVIII в.). В связи с этим заглавие книги пред-ставляется перегруженным уточнением имён. О тех, кому посвящён каждый раздел, было бы достаточно упомянуть в Предисловии, которое выполняет функцию и Введения.

Авторы нашли изящное композиционное решение, сделавшее книгу, посвящённую трём самобытным личностям, органически целостной: в конце каждого раздела читателя ненавязчиво подводят к следующему разделу книги.

Первый раздел (о П. К. Симони) заканчивается его воспоминаниями о библиofile, библиографе, редакторе, литературоведе, издателе, историке русской литературы П. А. Ефремове (1830–1907) и Д. В. Ульянинском, а следующий раздел – очерком Н. Н. Орлова «Собиратели и антиквары прошлого. Д. В. Ульянинский». После этого следует раздел уже о самом Н. Н. Орлове.

Отдельного доброго слова заслуживает включение в книгу почти трёх десятков ценнейших иллюстраций, составляющих визуальный ряд: портреты главных героев, обложки редких изданий, инскрипты, экслибрисы, визитная карточка и т.п.

В целом книга двух авторов, каждый из которых обладает безусловным авторитетом в своём профессиональном поле, написана на высоком научном уровне, а её библиографическая составляющая выше всяких похвал. Поскольку монография создана на архивных материалах, она обогащает историю книжной культуры новыми фактами, существенными уточнениями и дополнениями к известным событиям, продвигает теорию библиофильства. Полиграфическое исполнение – переплёт, хорошая офсетная бумага, цветные иллюстрации – вполне достойные. Словом, перед нами удачное и по форме, и по содержанию издание.

Вернёмся, однако, к началу размышлений. Рассуждая о природе, причинах происхождения страсти к коллекционированию книг, Н. Ю. Ульянинский констатирует: такую страсть «часто относят к разряду психических аномалий <...> По этой теории коллекционер – это своего рода “скупой рыцарь” бессмертного Пушкина» (с. 107). Отвергая такое объяснение, он называет среди причин библиофильства книжнокультурную наследственность, специфические черты характера, особенности сложившегося семейного быта (с. 108).

Полагаю, здесь названы лишь отдельные внешние факторы, влияющие на становление собирателя книг. Природа же этого явления кроется в ином. Согласимся с тем, что по большому счёту область библиофильства относится к области иррационального, и феномен пушкинского Скупого рыцаря хотя бы отчасти, но имеет место.

Означает ли это, что иррациональное (суть неразумное) заслуживает порицания, если не осмеяния? Ответ может быть только резко отрицательный. Ведь самый выдающийся из *Ното*, по большому счёту, не просто *sa-*

piens, но, *Homo supermind* – сверхразумный. В том смысле, что в своих лучших проявлениях руководствуется не только разумом, сиюминутной и личной корыстью, но и тем, что дороже разума, – соображениями высшего порядка: понимает общекультурную ценность того или иного собрания, хочет донести это до возможно большего количества людей; наконец, увековечить сведения о том или ином культурном феномене.

Один из двух корней очень точного слова *библиофилия* означает *любовь*. А любовь надо измерять по критериям этого иррационального чувства: истинно любят не за что-то, не потому, что от любви можно получить некую выгоду, обогатиться чем-то вещным, предметным, суетным. По-настоящему человек любит кого-то или что-то, когда ему доставляет несказанное удовольствие чем-то поступиться самому, будь то собственное время, финансовые, материальные средства, личный покой либо что-то иное. Именно этим качеством человек как существо одухотворённое или, если выразиться более академично, ноосферное, отличается от других творений биосферы и всех созданий природы.

Сухому рационалисту, привыкшему судить о правильном и ценном с позиции здравого смысла и осязаемой выгоды, понять, а тем более прочувствовать природу этого высшего наслаждения не дано. Посочувствуем же приземлённому представителю рода человеческого. И отметим, что как само библиофильство, так и написание, выпуск книг о библиофилах – удел людей избранных, неравнодушных, Богом отмеченных, если хотите.

По словам Н. Ю. Ульянинского (с. 109), все бескорыстные любители, ценители, собиратели книг, а также те, кто о них пишет, составляют истинную гордость библиокультуры. Именно к ним относятся и герои, и авторы книги, которая дала мне повод для этих размышлений.

Yury Stolyarov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Science and Publishing Center "Nauka" of Russian Academy of Sciences, Russian State Library;

yn100@narod.ru

90 Profsoyuznaya st., 117864 Moscow, Russia